

Деревня Нью

Прошло немало времени с тех пор, как Линь Юйшэн впервые услышал разговор маленького мальчика. Теперь каждый день он на несколько часов приходил в сознание — разумеется, только умственно. Он мог слышать и чувствовать окружающий мир, но всё ещё не был в силах открыть глаза, чтобы увидеть, где находится, или задать вопрос тем, кто был рядом. Он отчаянно жаждал получить хоть какую-то информацию, но вокруг царила пугающая тишина, а слуги вели себя настолько тихо, что, казалось, можно было услышать, как падает иголка. Несмотря на это, опираясь на свою проницательность, он пришел к выводу, который не хотел признавать, но от которого невозможно было скрыться.

Он находился не в том мире, где жил раньше.

Это открытие заставило Линь Юйшэна на какое-то время захотеть отключить все свои чувства и погрузиться в небытие. Его отец был бизнесменом, мать — адвокатом, а сам он — научным сотрудником. Он просто не мог вообразить мир, в котором не действуют законы Ньютона и отсутствует гравитация.

Однако, как ни прискорбно, по мере того как проходило время и Линь Юйшэн узнавал всё больше, он убеждался: это действительно мир сянся, совершенно не похожий на всё, что он знал прежде. Здесь существовало множество сект совершенствования, хотя нынче духовная энергия в мире стала куда скуднее, чем раньше. Секта Тайюэ, к которой он принадлежал, была одной из крупнейших и сильнейших. Глава секты, Шэнь Чи, достиг поздней стадии Превращения Божества и был первым среди праведников Поднебесной. Его меч, Цинфэн, не знал равных, и куда бы он ни указывал, никто не мог противостоять его мощи. Сам же он — или, точнее, Линь Юйшэн этого мира — был практиком на стадии Зарождающейся Души. Он много лет шел по пути совершенствования, пользовался огромным авторитетом в секте, и глава, его старший соученик, доверял ему безгранично. В этот раз, во время выполнения задания, он пострадал из-за ученика по имени Сун Сицяо и долгое время пребывал в беспамятстве. Вся секта Тайюэ была крайне обеспокоена, а ученики мастера Линя жаждали собственноручно расправиться с Сун Сицяо. Глава, хоть и был разгневан, всё же оставался мудрым учителем, поэтому отправил Сун Сицяо в задние горы на покаяние, постановив, что тот сможет покинуть их лишь тогда, когда Линь Юйшэн придет в себя. На первый взгляд, это было защитой, но на деле — уничтожением. В секте все знали: задние горы, хоть и славились своей красотой, были лишены духовной энергии и продувались ледяными ветрами. Запереть там низкоуровневого практика означало перерезать ему путь к бессмертию, а то и вовсе лишить жизни. Становилось ясно, какое место Линь Юйшэн занимал в сердце главы, раз тот был готов взять на себя дурную славу, лишь бы медленно расправиться с молодым учеником.

Линь Юйшэн гадал, как выглядят эти сказочные чертоги секты Тайюэ, питаются ли здешние люди лишь ветром и росой. В полудреме он часто представлял себе обители бессмертных. Глава Шэнь Чи и другие влиятельные лица секты часто навещали его, и Линь Юйшэн невольно начал восхищаться тем, другим собой: окруженный любовью наставников, уважением равных и обожанием младших, он, должно быть, был человеком безупречной чести.

— Какая наивность.

— Кто здесь?!

Линь Юйшэн внезапно услышал голос. Нет, точнее, он ощутил его — голос, донесшийся из глубин его собственного разума.

— Кто ты?

— Тебе не нужно знать. Просто оберегай его, и это обернется для тебя благом.

Линь Юйшэн с изумлением понял, что этот голос может общаться с ним без преград, словно читая все его мысли.

— Кто он?

Линь Юйшэн долго ждал ответа, но, расслабившись, внезапно обнаружил перед собой книгу.

Пролистав её, он наконец осознал свое положение: он попал внутрь книги, и, судя по всему, отнюдь не в роли главного героя!

Это было произведение о совершенствовании под названием Поиск бессмертных — путь неровный. Одно лишь название вызвало у Линь Юйшэна скептическую усмешку: почему бы просто не назвать его Поиск бессмертных? Хотя Линь Юйшэн и был технарем, в литературе он разбирался. Он вспомнил, как в Сне в красном тереме наложница Цзя давала названия садам, стремясь избежать нагромождения слов. А содержание этой книги, с точки зрения его эстетики, было лишено всякой логики. Главным героем был тот, чье имя он слышал чаще всего — Сун Сицяо. Тот родился в загадочной семье с благородной кровью, но какой именно — в книге не уточнялось. Линь Юйшэн, хоть и был занят на работе, читал разную литературу ради развлечения. Самой большой загадкой в его жизни был Записки расхитителей гробниц, где так и не объяснили, что такое истинный финал — это просто сводило с ума! Неужели и эта дрянная книга такая же? Неужели авторы сейчас вообще не заботятся о логике? Линь Юйшэн не мог не возмутиться.

Читая с трудом, он постепенно привык к абсурду. Книга начиналась как летопись страданий ребенка: бедного героя все обижали, и куда бы он ни пришел, везде случались беды. Его родители погибли в самом начале, загадочная семья почему-то не взяла его под защиту, и пятилетний мальчик в одиночестве стоял под проливным дождем у моста, пока его не подобрал старый монах. Тот носил мирскую фамилию Сун и наобум дал ребенку имя Сун Сицяо. И кто бы мог подумать, что самого монаха преследуют враги!

Да вы издеваетесь! Если тебя преследуют, зачем подбирать ребенка!

Позже монах понял, что бежать с Сун Сицяо крайне неудобно, и однажды, добравшись до деревушки у моря, отдал его обычному арендатору по имени Чжу Цзюсы. Тут нужно отдать

должное монаху: Амиабха, милосердный Будда, вы наконец-то прозрели и приняли верное решение! Арендатор обрабатывал клочок земли помещика Лю Дэ, детей у них с женой не было, и они полюбили Сун Сицяо как родного. Если не считать бедности, они окружили его всей любовью, на которую были способны родители. Те полгода в доме Чжу Цзюсы были, пожалуй, самыми счастливыми в его жизни. Арендатор надеялся, что мальчик вырастет в мире и покое, женится, заведет детей, будет так же возделывать землю помещика и досмотрит их до самой смерти.

Но не судьба: главный герой не мог вечно прозябать в этой глуши. Однажды в деревне начали происходить страшные вещи. Сначала кто-то бесследно исчезал, а потом находили тела: на макушках зияли пять кровавых дыр, словно от когтей, а мозг был выеден. Жители впали в панику, власти начали расследование, но через несколько дней случились новые нападения. Деревня была глухой, крестьяне никогда не видели ничего подобного, и страх сковал всех. Люди запирались на все засовы, а приемные родители Сун Сицяо ни на шаг не отпускали его от себя.

Похоже на проделки Чэнь Сюаньфэна и Мэй Чаофэн, — про себя съязвил Линь Юйшэн.

События принимали всё более мрачный оборот. В девяти из десяти дворов были жертвы, в том числе и приемная мать Сун Сицяо. Власти испугались, решив, что жизни нищих крестьян не стоят того, чтобы рисковать, и отозвали солдат. Селяне пребывали в ужасе, и тогда уважаемый помещик Лю Дэ созвал всех в родовой храм. Он хотел не только обсудить безопасность, но и поделиться слухом: старый кожевник с восточного края деревни рассказывал, что его прадед упоминал, будто их деревня Нью раньше называлась Деревней Поиска Бессмертных. Деревня стояла у моря, где обитали небожители, и поговаривали, что сам Люй Дунбинь вознесся именно отсюда! Происходящее не казалось делом рук человеческих, возможно, это были демоны. Он предложил отправить кого-нибудь в море, чтобы найти бессмертных и спасти деревню от гибели.

— Да даже если бы все Восемь Бессмертных отсюда вознеслись, какой от этого толк? — тут же раздалось возражения. — Море тебе что, баня? Где ты там будешь искать небожителей?

— Верно. Я лучше дома палочку благовоний богу очага поставлю, может, поможет.

— Деревня нищая, то наводнения, то засуха, а они — Деревня Поиска Бессмертных! Так я тогда сам Нефритовый Император!

— Пока найдешь бессмертных, мы все уже передохнем!

— Старик совсем от страха из ума выжил!

Люди перебивали друг друга, а некоторые наглые юнцы отпускали колкие замечания.

— Что за шум, как на базаре! — прикрикнул помещик Лю Дэ. — Разве сейчас время для

споров?

Господин Лю был единственным помещиком и единственным образованным человеком в деревне. Почти все крестьяне работали на его земле, он всегда был добр и справедлив, и его слово было законом.

— Отправиться в море — единственный путь. Бессмертные наверняка не станут смотреть, как люди страдают, они не останутся в стороне.

Все были поражены. Никто не ожидал, что уважаемый Лю Дэ поверит в такие бредни и решится на подобное. Но раз уж господин Лю принял решение, спорить было бесполезно. Началось обсуждение того, кто отправится на поиски.

Люди переглядывались. Родные края покидать тяжело, а дальше уездного города никто из них не забирался. В их глазах областной центр был так же далек, как столица. Кто знает, куда придется плыть и когда удастся найти бессмертных? И останется ли деревня жива к тому времени? Каждый думал лишь о себе, никто не был уверен, что вообще сможет выбраться. Господин Лю видел их сомнения и, кашлянув, произвел:

— С сегодняшнего дня в моей усадьбе будет выделено место, все остальные переселятся туда. Будем жить и работать вместе, без дела никуда не уходить. А для тех, кто отправится на поиски, я найду способ помочь, вам не о чем беспокоиться.

— Господин Лю прав, — подал голос старый кожевник. — Нужно выбрать кого-то сильного, кто владеет приемами борьбы.

— Но если это не люди, что толку от борьбы с призраками?

— Только не мой муж! Если он уйдет, я лучше вместе со всей семьей расшибусь у дверей храма! — закричала сварливая жена Линя, не дожидаясь остальных.

— Мой бедный Чжур, если бы ты был жив, я бы и слова не сказала, если бы Баоэр пошел, — завывала вдова Лю.

— Наш Чжуцзы только недавно женился, единственный сын в роду, господин Лю, вы же видели, как он рос... — причитала госпожа У.

В одно мгновение мужчины попятились, а женщины зашлись в рыданиях.

Дети, игравшие снаружи, не понимали, что происходит, и заглядывали в двери. Сун Сицяо отложил камешки и оказался в кругу других детей. Господин Лю поднял глаза на ребят — в их испуганных глазах застыл ужас. Заметив, что взгляд помещика остановился на нем, Сун Сицяо замер, а потом господин Лю отвел глаза и сказал:

— Цзюсы, тебе в одиночку растить Сун Сяо нелегко. В этом сезоне можешь не отдавать арендную плату.

Чжу Цзюсы вздрогнул, и людей внезапно осенило.

— Пусть идет Чжу Цзюсы, он раньше был охотником, умеет драться!

— Точно, у него ни детей, ни привязанностей!

— Да, Чжу Цзюсы — в самый раз!

Чжу Цзюсы, забившийся в тень, был потрясен. Впервые за долгие годы он оказался в центре внимания. Он не мог вымолвить ни слова, его изрытое морщинами лицо побагровело, и он выдавил лишь:

— У меня есть сын. Сицяо — мой сын.

— Опять ты про этого мальчишку! В прошлый раз он моему Шуаньцзы всё лицо расцарапал!

— А ты не говоришь, как Шуаньцзы пнул меня в грудь? — Сун Сицяо выпятил грудь и посмотрел на жену Линя.

— Ах ты, паршивец! Неизвестно, откуда приبلудился, а смеешь безобразничать в нашем храме!

— Это он навлек беду, до него у нас в деревне веками ничего подобного не случилось!

— Верно, Чжу Цзюсы, если не выбросишь этого подкидыша, сам и расхлебывай беду, которую он принес!

Сун Сицяо резко взглянул на приемного отца. Его личико побелело, глаза покраснели от сдерживаемых слез. Хотя он был мал, он понимал, почему его травят. Несмотря на возраст, он был необычайно красив и изящен, а его кожа не была такой грубой и загорелой, как у деревенских детей. Ребята дразнили его за то, что он не такой, как все, и он всегда огрызался, как маленький еж. Но против взрослых он был бессилен. Женщины шептались и осуждали, мужчины уговаривали чету Чжу бросить ребенка, мол, такой мальчик не для крестьянской семьи, лучше избавиться от него, пока не стало хуже. Но супруги Чжу не могли этого сделать. В их глазах монах, принесший Сун Сицяо, был самым Буддой, а мальчик — сыном, посланным им свыше. Как можно было от него отказаться?

Чжу Цзюсы посмотрел на Сун Сицяо, который выглядел как обиженный зверек. Он всю жизнь был робким, и, кроме покойной жены, этот мальчик был его единственной родней. Он понял: придется идти.

Чжу Цзюсы сложил руки в поклоне перед господином Лю:

— Я пойду. И возьму сына с собой.

Затем он, как обычно, замолчал. Господин Лю, будучи человеком добрым, с жалостью посмотрел на него:

— Решено. Цзюсы отправится в путь ради всех нас. Что бы ни случилось, мы позаботимся о могилах твоих родителей и жены.

Все притихли. Вспомнив, как Чжу Цзюсы всегда был добр к людям, они почувствовали неловкость и стыд.

— Может, я пойду вместе с дядей Цзюсы? — внезапно предложил один юноша.

— Заткнись, негодник! — вдова Лю потащила сына назад. — Господин Лю, Баоэр просто болтает, он еще ребенок, не сердитесь.

— Хорошо, решено, — отрезал господин Лю. — Все свободны, Цзюсы останься.

Селяне разошлись, а Чжу Цзюсы с Сун Сицяо последовали за помещиком в его усадьбу.

Линь Юйшэн, дочитав до этого места, вздохнул. Чжу Цзюсы был слабохарактерным, но не глупым. В такой ситуации никто не хотел идти, и Сун Сицяо был лишь предлогом — ему всё равно пришлось бы отправиться в путь. Мать Линь Юйшэна, адвокат, всегда верила, что человеческая природа порочна. Она часто говорила: если бы люди были добры по своей сути, они бы всегда действовали в интересах других, тогда зачем нужны законы? Линь Юйшэн же считал, что люди находятся где-то между богами и зверями, иногда склоняясь к одной стороне, иногда к другой. Кто-то становится святым, кто-то — зверем, но большинство сохраняет равновесие. Эти крестьяне, возможно, в обычное время были вполне заурядными людьми, но перед лицом такой экстремальной угрозы каждый думал лишь о том, как спасти свою шкуру, не заботясь о других.

<http://bllate.org/book/19139/1879788>